ВЛИЯНИЕ УРБАНИЗАЦИИ НА ОБЩЕСТВЕННУЮ ЖИЗНЬ ГОРНОЗАВОДСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ НА УРАЛЕ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в. *

Социальным содержанием процесса урбанизации (шире модернизации) является формирование специфического городского образа жизни, общественных институтов и отношений, своеобразной городской субкультуры. Социокультурное влияние урбанизации на не городские поселения очевидно на примере горнозаводских поселков, некоторые из которых по численности населения, значению промышленности и торговли превосходили многие официально признанные города. Вопрос о влиянии урбанизации на эволюцию общественной жизни горнозаводских поселков представляется важным для понимания последствий социокультурной модернизации в Уральском регионе во второй половине XIX – начале XX в.

В пореформенный период проблема самоуправления поселений приобрела особую актуальность и для городского, и горнозаводского населения. Верховная власть, даровав Городовые положения, распространяла их на города, пассивно откликаясь на ходатайства о пересмотре административного статуса других населенных пунктов (в частности, нескольких крупных горнозаводских поселений в Уральском регионе – Нижнего Тагила, Невьянска и Каменского завода). Предметом ходатайств горнозаводского населения являлось право на самоуправление и муниципальную собственность, обусловленные юридическим статусом города. В период александровской волны модернизации это несоответствие между юридическим статусом некоторых горнозаводских поселений и их социально-экономическим и культурным потенциалом проявилось достаточно рельефно. Однако процесс градобразования замедлялся сохранением старых устоев, отношением заводладельцев, сословными стереотипами, отсутствием единогласия со стороны самого населения и политикой государственной администрации. Специфические городские общественные институты в виде сословных корпораций или бессословного общественного самоуправления общегородского уровня так и не появились даже в самых крупных горнозаводских поселениях. В дореволюционный период длительные дискуссии и обсуждение вопроса о реформировании органов самоуп-

* Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ НШ-6582.2012.6.

равления и преобразовании ряда уральских поселений в города не увенчались успехом. Между тем, подобные факты являются индикатором процесса урбанизации, свидетельствуя об усилении ее темпов в Уральском регионе в рассматриваемое время.

После издания Манифеста об освобождении крестьян из крепостной зависимости, изданного в марте 1861 г., верующие в Нижнем Тагиле, чтобы «и самое название места не напоминало более крепостной неволи, целовались просить Всемилостивейшего отца-освободителя, чтобы благоволил Нижне-Тагильск, имеющий 26 тыс. жителей, обширную торговлю и все элементы городского быта, - преобразовать в город с наименованием его Александровским»¹.

8 сентября 1861 г. на полном сходе Нижне-Тагильской волости присутствующими был подписан приговор о преобразовании Нижнего Тагила в уездный город Александровский. Эта просьба, поступившая от них в министерство внутренних дел, аргументировалась как удобством географического расположения Нижнего Тагила, так и показателями его экономического потенциала: «Нижне-Тагильск, по географическому положению своему, находится в центре городов Пермской губернии, именно: от Екатеринбурга с юга в 150 от Верхотурья с севера в 160 от Ирбита с востока и Кунгура с запада в 200 верстах, и что по освобождении крестьян от крепостной зависимости, многие из них занялись торговлей и промышленностью, деятельность которых при новых условиях общественного быта, быстро развивается, и все это ставит Нижне-Тагильск, имеющий более 26 тыс. душ населения, на степень городов весьма торговых и промышленных». Отмечалось также, что даже не будучи городом, он отнесен по торговле к 3 разряду патентной пошлины наравне с Пермью, Екатеринбургом и Ирбитом, тогда как Верхотурье, в уезде которого Нижний Тагил находился, «по отсутствию в нем торговой деятельности и жители которого и занимались преимущественно хлебопашеством», относился к 5 разряду. Говорилось, что купцы, проживавшие в Нижнем Тагиле и занимавшиеся в нем торговлей, ежегодно «отвлекались» в Верхотурье как для получения и предъявления торговых свидетельств, взноса в казначейство различных платежей, а особенно для выполнения общественной службы, требовавшей ежедневного присутствия и заставлявшей временно прекращать коммерческую деятельность и временно переселяться в Верхотурье. В Министерство внутренних дел поступили: приговор жителей Нижнего Тагила о ходатайстве, план поселения и согласие на это заводовладельца Демидова².

Министр внутренних дел командировал статского советника Мордвинова удостовериться, «точно ли все заводские мастерские и прочие

жители желают иметь в Нижне-Тагильске уездный город и знают ли они, что будучи мещанами, они лишаются прав на пользование покосами и пашнями, кои отойдут во владение помещика Демидова». Вопрос обсуждался вновь на волостном сходе в присутствии старосты и выборных от общества 25 августа 1863 г. На нем было принято решение просить мирового посредника довести до сведения начальства о желании общества мастеровых «быть причисленным к городскому сословию с переименованием Нижне-Тагильска в уездный город с теми учреждениями и управлениями, какие присвоены уездным городам». Этот приговор был отправлен местному посреднику Эйлеру 2 сентября 1863 г. для Мордвинова. С тех пор прошло более 10 месяцев, а вопрос оставался нерешенным. Уполномоченные от 26 тыс. жителей Нижнего Тагила - ирбитские купцы П.И. Живиллов и В.И. Урожденский - вновь ходатайствовали перед властями о выполнении просьбы³.

Что касается мнения самого статского советника Мордвинова, то он, отчитываясь перед земским отделом Министерства внутренних дел, докладывал, что при посещении Нижнего Тагила он на сходе подробно объяснял мастеровым «невыгоды перечисления их в мещане и преимущественно указывал на прекращение для них всех прав на заводские земли и на упразднение их волостного управления». При этом он отмечал, что местный волостной старшина заслуживал «полного одобрения», а волостной суд, имевший заседание в его присутствии, «разбирал взаимные споры мастеровых между собой добросовестно и со знанием дела», а очередные судьи были людьми, «пользовавшимися уважением и авторитетом». И все-таки сам Мордвинов при рассмотрении рассматриваемых приговоров «со своей стороны не находил основания к отказу в ходатайстве мастеровых»⁴.

Несмотря на положительные оценки, данные Мордвиновым волостным управлению и судопроизводству в Нижнем Тагиле, есть свидетельства очевидцев прямо противоположного характера (о медленности работы волостного суда и волостного правления в целом), которые дают основания для некоторых сомнений в эффективности функционировавшего в Нижнем Тагиле управления.

Жители Нижне-Тагильского завода, мечтая о преобразовании Нижнего Тагила в город, надеялись на ряд новых позитивных изменений, в частности, что проживавшие там «сторонние люди» войдут в «здешнее городское сословие и будут важной поддержкой общества»; торговые люди, причисленные к другим обществам, но проживавшие в Нижнем Тагиле, не будут вынуждены выезжать в другие места для взноса податей и получения паспортов, «не будут тратить много и напрасно денег,

а главное не будут отвлекаться от заводской службы для общественной». Они также надеялись на введение в Нижнем Тагиле городского самоуправления по Городовому положению, формирование городской полиции и пожарной команды, «что гораздо лучше будет обеспечивать тишину и спокойствие, и общественную безопасность в селении». Наконец, просители полагали, что городской образ жизни и соответствующие городам учреждения «конечно больше будут действовать на нравственное и умственное развитие населения и избавят заводы от содержания госпиталей, училищ и церквей». Кроме того, возлагались надежды на более интенсивное развитие местной промышленности, благодаря которой и заводы обеспечивались бы многими необходимыми для их работы «припасами».

Чтобы лучше представить, что собой представлял Нижний Тагил в середине XIX в., обратимся к сведениям о составе его населения. Основное ядро в нем составляли лишившиеся крепостной зависимости мастеровые, принадлежавшее ранее Демидову: 9144 муж. и 10083 жен. Кроме того, в Нижнем Тагиле проживали представители разных иных сословий — дворян, чиновников, духовенства, мещан, крестьян из других губернии и ведомств, а также купцов — 2243 муж. и 2206 жен.

Нижний Тагил отличался от многих других поселений Уральского края значительным числом различных культурных учреждений — в нем насчитывалось: православных церквей — 4, единоверческих — 3, каменных домов — 129, деревянных — 3805, торговых лавок и магазинов — 319, училищ — 4 и приютов — 2, а также народная школа⁵. Кроме того, отдельно следует сказать о 3200 рабочих, трудившихся при чугуноплавленном, медиплавленном и железоделательном заводах Павла Павловича Демидова.

Что касается иных учреждений, то винных складов в Нижнем Тагиле было 6, питейных и постоялых домов — 126, трактиров — 2, гостиниц — 4. Всего занимавшихся торговлей и промышленностью в Нижне-Тагильском заводском селении купцов насчитывалось 97, мещан — 256, мастеровых — 244. На ниже-тагильский рынок ежегодно привозилось до миллиона пудов хлеба⁶.

Весьма приятное впечатление Нижний Тагил и его жители произвели на В.Немировича-Данченко, проезжавшего в 1875 г. по Уралу. «В Тагиле, — писал он, — до сорока тысяч населения, из них четвертая часть живет, исключительно, заводским делом. Я не ошибусь, если скажу, что до такой степени развитой в умственном отношении народ мне попадался только на мальцевских заводах, да на далеком севере, в Поморье».

Социокультурный портрет тагильца, нарисованный В. Немировичем-Данченко, представляет особый интерес: житель Нижнего Тагила «старается быть чисто одетым, хорошо держится и, вообще, мало похож на рядом живущего уральского мужика, даже на тут же бок-о-бок потеющего под огнем выйского мученика. Ругань здесь не в обычае, и нецензурные слова не слышатся на каждом шагу, как в других местах нашего в этом единственном отношении, весьма либерального отечества. Тагильцы очень вежливы друг с другом, о драках у них не слышать. Люди тут себя «соблюдают в аккурате», и с первого взгляда вы замечаете уже в них некоторую выдержку»⁷.

Обратил В. Немирович-Данченко и на особенности праздничной культуры тагильцев, в том числе на некоторые элементы городского быта. В частности, рассказывал он о времени «каникул», которые каждый завод в конце лета давал рабочим на полевую страду, косьбу и другие хозяйственные дела, и эти месяц-полтора являлись для них вполне праздником. «Бабы, - пишет очевидец, - надевают лучшие платья — глаза слепит от них; мужчины не отстают и щеголяют напропалую. Нанять в это время никого невозможно, даже за тройную цену. Работы приостанавливаются». Как неотъемлемый атрибут праздника упоминает Немирович-Данченко танцы: «Тагильцы во время страды, по вечерам после работы, собираются и под музыку открывают даже что-то вроде балов. Бабы и парни пляшут «по-городскому». Хороводов не водят, давно от них отстали. «Помилуйте, мужицкое дело!»⁸. Значительно позже общественные праздники и обычаи жителей Нижнего Тагила в конце XIX — начале XX в. стали предметом специального профессионального внимания В.Ю. Крупянской и Н.С. Полищук, выявивших в них черты городского и крестьянского быта, что было обусловлено спецификой горнозаводского поселка. Например, указывая на долгое сохранение в Нижнем Тагиле элементов аграрной обрядности, в частности зимнего и весенне-летнего циклов, они отмечали, что и эти обряды впитали в себя ряд городских черт, таких, как святочные маскарады, масленичные балаганы, карусели, катание на лошадях и пр. Нижний Тагил был известным религиозным центром, притягивавшим к себе особенно в большие христианские праздники жителей из окрестных сел. Своими особенностями отличались престольные праздники, в целом выдержанные в сельских традициях, но сопровождавшиеся отдельными элементами городских гуляний. К ним относились: «иллюминация» Гальянки, торговля сластями на Лисьей горе, катание на лодках и пр.⁹.

В начале XX в. в Нижнем Тагиле действовали около 40 промышленных предприятий и около 300 торговых заведений. Его жители занимались также кустарными промыслами: выделкой подносов, сундуков,

железных ведер, туесов и т.п. В 1909 г. в Нижнем Тагиле проживало 34,7 тыс. чел. По численности населения он уступал только двум городам Пермской губернии — Перми и Екатеринбург. При этом он являлся экономическим и культурным центром. В нем находились: главная контора горного округа, горнозаводское училище, 2 женские гимназии, высшее начальное училище, 2 двухклассных училища, 7 православных храмов, 2 клуба, театр, заводской госпиталь, земская больница, аптека, заводская библиотека, 3 кинотеатра, почта-телеграф, детский приют, горнозаводской музей, метеостанция. На торговой площади располагался памятник Александру II¹⁰. Между тем, в досоветское время Нижний Тагил так и не получил официального статуса города со всеми вытекающими отсюда последствиями. Он стал городом только в 1919 г.¹¹.

Сохранению статусов рассматриваемых поселений в дореволюционное пореформенное время способствовал ряд обстоятельств. Не последнее место играло мнение местной власти в целом и в частности лично губернатора. Губернатор скептически оценивал перспективы Нижнего Тагила, население которого, на его взгляд, не имело, «за самым незначительными исключениями, никаких прочных задатков ни в земельном, ни в торговом, ни в промышленном отношении, для самостоятельности городского населения и находится в совершенной зависимости от заводских работ, сокращение или уничтожение которых, независимо от того, пройдет или не пройдет железная дорога через Тагил, низведет Тагил на степень обыкновенного селения»¹².

Побывавший весной 1899 г. в Нижнем Тагиле знаменитый ученый Д.И. Менделеев изложил свое видение проблемы: «Нижнее-Тагильск — целый город, 32 тыс. жителей, с широкими улицами, с прекрасными церквями, с монументами на площадях, с пожарной каланчой на соседнем холме, как на многих заводах, а считается селом, хотя в нем одном три волости. Не сделан он городом, вероятно, по той причине, что состоит в посессионном владении рода Демидовых, и с городским устройством еще более запутались бы и без того сложнейше путанные отношения между владельцем, казною и жителями»¹³.

Жители Каменского завода Камышловского уезда Пермской губернии также ходатайствовали о проведении в нем реформы управления (на основании постановления от 3 июля 1897 г.). При этом вопрос о реформе управления здесь тесно связывался с идеей о преобразовании Каменского завода в безуездный город. Губернатор, отправляя 18 декабря 1898 г. данные о Каменском заводе в хозяйственный департамент Министерства внутренних дел, полагал возможным сформировать «городское сословие и ввести упрощенное городское обществен-

ное управление на основании правил, приложенных к ст. 23 Городового положения 1892 г., к чему селение Каменского завода близко подходит как по своему торгово-промышленному значению и достаточно-му числу жителей для городских обывателей, так и по имущественному цензу жителей оно»¹⁴. Однако мнение жителей было не единогласным. Сельские обыватели не желали присоединяться к ходатайству «разночинцев» Каменского завода о введении в нем Городового положения. Что касается управителя Каменского казенного завода, то 13 февраля 1898 г. он писал, утверждая, что введение в Каменском заводе Городового положения «для заводоуправления и служащих оногo край-не желательно и необходимо»¹⁵. Однако статус города поселение обрело только в советское время (в 1935 г. поселок становится городом Каменском, а в 1940 г. получает название Каменск-Уральского).

Другим примером проявления урбанизации в досоветский период является появление в горнозаводских поселениях общественных институтов современного типа, например, общественных организаций. Важно проанализировать их численность, дать типологию, особенности деятельности и оценить значение в общественной жизни горнозаводских поселков. Отдельно следует подчеркнуть значение благотворительности, появление по инициативе интеллигенции общественных организаций досуговой и культурно-просветительской направленности.

В монографии В.Ю. Крупянской и Н.С. Полищук отмечается: «В Нижнем Тагиле не было ни цеховых организаций, ни органов городского самоуправления. Только общественная и культурная деятельность местной либеральной интеллигенции приняла здесь формы, типичные для русского города тех лет». Так, в конце 1870-х гг. в Нижнем Тагиле был организован санитарный комитет, тогда же возникло благотворительное общество; в 1880-е гг. здесь появился «Комитет Красного Креста», а в начале 1890-х гг. по инициативе одного из местных священников открылся Комитет попечения о народной трезвости. Спустя десятилетие в Нижнем Тагиле возникли: Кружок по устройству развлечений и чтений для народа, общества потребителей и ссудно-сберегательные товарищества¹⁶.

Под воздействием урбанизации и в менее крупных заводских поселениях стали появляться общественные организации досуговой и культурно-просветительской направленности. 22 августа 1883 г., например, был утвержден Устав общества семейных вечеров в Очерском заводе, Оханского уезда, на основании которого общество имела право организовывать семейные вечера: «Семейные вечера общества имеют целью доставлять членам своим и их семьям возможность проводить

свободное от занятий время с удобством, приятностью и пользой. С этой целью обществу предоставляется устраивать для своих членов и их гостей балы, маскарады, танцевальные, музыкальные и литературные вечера и драматические представления, выписывать книги, газеты и другие периодические издания, а также приглашать лиц специальных по разным наукам для чтения лекций, которые служили бы к распространению между членами собрания полезных сведений». В уставе подчеркивалось, что маскарады и драматические представления допускались с разрешения местного полицейского начальства, при чем на сцене позволялась «только постановка пьес, разрешенных драматической цензурой при Главном Управлении по делам печати и без всяких отступлений от дозволенных цензурой оригиналов». Литературная жизнь протекала под строгим контролем: «При исполнении на сцене рассказов, стихотворений, куплетов и т.п., равно и при устройстве литературных чтений, хотя бы напечатанных с дозволения цензуры произведений, должно быть каждый раз испрашиваемо по установленному порядку разрешение Главного Управления по делам печати или попечителя учебного округа по принадлежности. Афиши пьес, поставленных на сцене, должны быть своевременно высылаемы в Главное управление»¹⁷.

Аналогичные ограничения и методы контроля за литературной и шире общественной жизнью прописывались в Уставе общественного собрания в Юговском казенном заводе, утвержденном 25 мая 1894 г. Общественное собрание ставило цель «доставлять членам своим и их семействам возможность проводить свободное от занятий время с удобством, приятностью и пользой». С этой целью собрание имело права «устраивать для своих членов и их гостей балы-маскарады, танцевальные, музыкальные, литературные вечера и драматические представления, выписывать книги, газеты и другие периодические издания, а также приглашать лиц специальных по разным наукам для чтения лекций, которые служили бы к распространению между членами собрания полезных сведений». Показательно абсолютное текстуальное сходство формулировок в примечаниях отдельных статей, например: «При исполнении на сцене рассказов, стихотворений, куплетов и т.п., равно и при устройстве литературных чтений, хотя бы напечатанных с дозволения цензуры произведений, должно быть каждый раз испрашиваемо по установленному порядку разрешение главного управления по делам печати или попечителя учебного округа по принадлежности»¹⁸. В конце XIX в. Общества семейных вечеров действовало в Кизеловском и Кувинском заводах, о последнем известно, что это общество построило богатое здание для клуба и театра¹⁹.

Эти общества оживляли провинциальную жизнь российской глубинки, что отражалось в прессе. Например, в «Екатеринбургской неделе» сообщалось, что в Усолье 14 ноября 1896 г. в помещении Общества семейных вечеров под руководством распорядителя Плюснина дан был спектакль «Московская бывальщина» (народная драма в 4 действиях А. Пазухина). Сбор от спектакля поступил в пользу библиотеки при Обществе семейных вечеров²⁰.

На рубеже веков в художественно-литературную жизнь постепенно втягивались рабочие. На воскресных и праздничных вечерах у рабочих можно было услышать и музыкальную классику и популярные в то время песни, стихи и романсы. Передовая молодежь стремилась к сближению с интеллигенцией, много времени уделяла чтению книг и периодических изданий, посещению заводского театра, а с 1909 г. — и кинематографа, участию в работе различных секций народного дома²¹.

В конце 1862 г. по инициативе заводских служащих в Нижне-Тагильском поселке был создан заводской театр, где преимущественно играли актеры-любители (заводские служащие с своими семьями, позднее отдельные рабочие). Ставились пьесы А.Н. Островского, М. Горького, А.П. Чехова, А.Ф. Писемского и других драматургов. Актуальной была драма Е. Карпова «Рабочая слободка». Приезжали и выступали профессиональные драматические актеры. С конца XIX в. заводской театр в отличие от клуба заводских служащих был доступен рабочим. В рабочей среде стали возникать театральные коллективы. В 1902 г. на Вые был создан первый в Нижнем Тагиле рабочий самостоятельный театр, спустя некоторое время — второй, который просуществовал два года.

В начале XX в. в Нижнем Тагиле появлялись «рабочие клубы» — на железной дороге, на Ключах, Гальянке, Вые. Их посещали учителя, передовая рабочая молодежь, мелкие служащие и торговцы. По инициативе интеллигенции при клубах создавались драматические, музыкальные и хоровые кружки, читались лекции, устраивались громкие чтения.

В 1913 г. в Нижнем Тагиле обсуждалась идея создания Народного дома, но его устав был утвержден только 24 октября 1915 г., а действия свои эта организация начала лишь с января 1916 г. До февральской революции у него не было собственного помещения. При народном доме были организованы два оркестра (русских народных инструментов и балалаечный), три кружка (драматический, хоровой, деламаторов), детская секция. По мере создания отделений Народного дома музыкальные и драматические кружки стали появляться на Вые, Ключах и Гальянке. Беженцы-латыши вносили особое оживление в работу Народного

дома. Народный дом использовался и для политико-воспитательной работы, что отражалось на тематике лекций, бесед, концертов. На этих мероприятиях звучали стихотворения в прозе М. Горького, стихи А.Н. Некрасова, И.С. Никитина, И.И. Горбунова-Посадова, С.Я. Надсона²².

В начале XX в. по мере роста трезвенного движения многие культурные начинания прививались в рабочей среде благодаря обществам трезвости. Противостоя «зеленому змию», Юговское общество трезвости, например, на основании устава, утвержденного 29 ноября 1907 г., могло наряду с другими мероприятиями устраивать чтения, «спектакли, концерты, литературные, музыкальные и литературно-вокально-музыкальные вечера»²³.

В условиях модернизации второй половины XIX — начала XX в. общественная жизнь горнозаводских поселков заметно эволюционировала, приобретая некоторые городские черты, о чем свидетельствуют важные институциональные изменения.

Примечания

¹ РГИА. Ф.1287. Оп.38. Д.462. Л.2-2 об.

² Там же. Л.3-4.

³ Там же. Л.4-5.

⁴ Там же. Л.76-76 об.

⁵ Там же. Л.80 об.

⁶ Там же. Л.81-81 об.

⁷ Немирович-Данченко В. Кама и Урал (очерки и впечатления). СПб., 1890. С.704-705.

⁸ Там же. С.706.

⁹ Крупянская В.Ю., Полищук Н.С. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (конец XIX — начало XX в.). С. 153-166.

¹⁰ Анимидица Е.Г. Нижний Тагил // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 2000. С.367-368.

¹¹ Там же; Он же. Верхотурье // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 2000. С.117.

¹² РГИА. Ф.1287. Оп.38. Д.462. Л.144.

¹³ Менделеев Д. В Нижнем Тагиле // Нижний Тагил. Свердловск, 1945. С.91.

¹⁴ РГИА. Ф.1287. Оп.38. Д.3442. Л.1-4 об., 11, 12-15 об.

¹⁵ Там же. Л.16-17.

¹⁶ Крупянская В.Ю., Полищук Н.С. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (конец XIX — начало XX в.). С.156-157.

¹⁷ Устав общества семейных вечеров в Очерском заводе, Оханского уезда. Оханск, 1904. С. 3-4.

¹⁸ Устав общественного собрания в Юговском казенном заводе. Б.м., б.г. С.1-2.

¹⁹ Кривошеков И.Я. Указатель к карте Соликамского уезда Пермской губернии. Екатеринбург, 1897. С.76, 84.

²⁰ Екатеринбургская неделя. 1896. 8 декабря. № 48. С. 1197.

²¹ Там же. С.170.

²² Там же. С.191.

²³ Устав Юговского общества трезвости, Пермского уезда. Пермь, 1908. С.1-2.